

Максим СУББОТИН
Айя СУББОТИНА

ОХОТНИКИ
ПАРЯЩИХ
ОСТРОВОВ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
С89

Серия «Сердце дракона»
Дизайн обложки: *Марина Акинина*

На обложке использована иллюстрация
Оксаны Ветловской

С89 **Субботин, Максим, Субботина, Аи́я**
Охотники парящих островов / Максим Субботин, Аи́я
Субботина. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 411, [2] с. –
(Сердце дракона).

ISBN 978-5-17-101640-1

Много лет назад на планете случилась грандиозная катастрофа. Немногим выжившим удалось перебраться в небеса – заселить диковинные парящие острова. Минули годы, память о случившемся стерлась. Тем более что теперь людям грозит новая напасть, способная погубить остатки цивилизации – монстры, сеющие вокруг себя разрушение и гибель. Дарт, паренек, постаравшийся выбросить из головы собственное прошлое, мечтает стать полноправным Охотником за чудовищами. Но однажды прошлое само напоминает о себе таинственным посланием от давно пропавшего отца. Выбор непрост: по-прежнему идти к мечте или бросить все и последовать за посланием, стать изгоем и раскрыть самые темные секреты парящих островов.

© Максим Субботин, текст, 2017
© Оксана Ветловская, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

КУБ

Влажный пронизывающий ветер хлестал по измученным лицам, рвал полы тяжелых плащей, норовил подхватить и унести в никуда широкополые шляпы. Люди жались к груженным повозкам, негромко переругивались. Три часа на таможне. Три часа! Где это видано? И ладно бы грузовой обоз перевозил товар, подпадающий под ограничительный реестр. Так нет. Всех товаров — выделанная свиная кожа, всевозможные склянки (от пробирок и колб до винных бутылок), некрашенные ткани да еще специальный заказ — набор серебряных ложек.

К городским воротам Тан-Ларона обоз прибыл, как и планировалось, за два часа до заката. Времени, чтобы преодолеть все бюрократические препоны, предостаточно. Не тут-то было. Таможенники вели себя точно сонные мухи. Никакой организации, никакой дисциплины. Одну лишь декларацию пришлось заполнять дважды только потому, что первый вариант был утерян сразу же, как только попал в руки досматривающей стороны. Как закономерный итог, в город обоз въехал много позже, чем стоило бы. На улицах не осталось ни одной живой души. Низко висящие тучи неспешно

переваливались над островерхими шпилями соборов и немногих высоких зданий. Неверный свет дарили лишь масляные фонари, стоящие вдоль улиц. Тишину нарушал шелест дождя и гул завывающего в подворотнях ветра. Тан-Ларон затаил, будто вымер в ожидании грядущей ночи.

— Надо было остаться и переждать, — пробурчала Ола. Сейчас женщина, всегда отличавшаяся внушительным ростом, сильно сутулилась. Она хромала, а потому не переставала горестно вздыхать, но лезть на козлы или в повозку отказывалась, мотивируя это тем, что на ногах чувствует себя более защищенной.

С точки зрения Югая, ее мужа, в словах Олы не было ни грамма здравого смысла, но спорить он устал. Хочет ковылять сама — пожалуйста. Дорога и таможенная волокита не прошли бесследно. Сил не осталось никаких. Даже на споры.

— Остаться где? — спросил Югай. Он пытался придержать жену за локоть, но та каждый раз нервно отдергивала руку.

— У этих свиной-таможенников?! — Женщина сплюнула на мостовую, прошипела что-то нечленораздельное. Сколько раз приезжали в этот паршивый городишко — и никогда такого бардака не было. Перепились они, что ли?

— Тут недалеко. — Мужчина старался говорить уверенно, хотя на самом деле уверенности не ощущал. — По Привратной улице, через площадь Единения — и уже на месте. Минут двадцать, не больше.

Где-то завyla собака. Протяжно, тоскливо. Скрипнула невидимая калитка.

Югай поежился, повыше поднял воротник плаща. От ветра это спасало, но треклятая вода, казалось, проникла уже везде, вплоть до нижнего белья.

— Тан-Ларон — один из самых спокойных городов на острове, — раздался из-за спины насмешливый голос. — А вы дрожите, будто котята на морозе.

Женщина резко обернулась, но осадить весельчака не успела — подвернула ногу на скользком булыжнике. Вскрикнув, ухватила рукой за повозку. Югай бросился к ней на помощь. Его шляпа, сорванная порывом ветра, унеслась в темноту. По небу пролегла яркая молния, высветила черно-белый город, а затем ударила совсем рядом, в каком-нибудь квартале в стороне. Раздался грохот, что-то вспыхнуло, зашипело.

Снова завyla собака.

— Стой!

Надрывный крик Сэйва, идущего в голове обоза, заставил Югая похолодеть. В голосе хозяина всех трех повозок сквозил неприкрытый ужас.

Лошади встали точно вкопанные, заволновались, зафыркали, норовя подняться на дыбы.

— Вставай! — Югай с силой рванул руку жены, понуждая ту подняться. Женщина всхлипнула от боли и процедила, хватаясь за обод большого колеса:

— «Божья искра»! Достань ее!

Югай кивнул и бросился к задней части повозки. Если бы не дождь, они бы зажгли факелы. Живой огонь — так себе средство защиты. Но лучше, чем ничего. Жаркое пламя подарит несколько лишних минут, за которые подоспеет помощь. Может подоспеть... Но факелы не зажечь, а значит, остается только «Божья искра» — средство куда более мощное и эффективное. Вот только крайне дорогостоящее, а потому одно на весь грузовой обоз.

«Где же ты?»

Югай точно помнил — он специально положил «искру» так, чтобы в случае необходимости не искать, у самого борта.

Крики и шум усиливались. Звук торопливых шагов метнулся в темноту — кто-то решил спрятаться в подворотне или укрыться в тени зданий. Глупо.

На мостовую обрушился мощный удар, что-то зазвенело, заскрежетало.

— Югай! — взвизгнула Ола.

Рука мужчины нащупала перевязанный моток грубой ткани. «Искра»! Схватив ее, он метнулся обратно, по пути пытаясь развязать веревки. И кто их только завязал?!

По мостовой снова ударили.

К «искре» тянулись руки. Каждый желал заполучить ее для собственного спасения. Люди, совсем недавно шедшие вдоль всего обоза, сбились в кучу, толкались и дрались в кровь. Югай пытался защищать «искру», прижимал ее к груди, кричал, что вспышка даст шанс всем. Но его не слушали.

Чей-то кулак врезался под ребра, выбил из легких весь воздух. Югай охнул, его руки разжались. «Искру» вырвали тут же. Победный крик (Кто это был? Джастин? Вик? Да какая разница?) глухим эхом отозвался в звенящей голове. Мужчина согнулся, потом медленно осел на мостовую. Рядом о чем-то причитала Ола, трясла его за плечо, но ее слова уже ничего не значили. Сквозь безумную какофонию криков и проклятий Югай отчетливо слышал скрежет. И тот неумолимо приближался, сопровождаемый заунывным плачем и стонами.

«Божья искра» не поможет.

«Проклятая таможня!»

* * *

Дарт, худощавый темноволосый парнишка, торопился, стараясь не отстать от наставника. Тот, несмотря на внушительный рост и внешне громоздкую фигуру, двигался почти бесшумно, ступал уверенно, не теряя ни единой секунды. Сегодня все шло не так, как обычно. Нынешней ночью работа предстояла не на улицах Тан-Ларон, а где-то под ними. Наставник не уточнил, какое дело их ждет, но обмолвился, что оно будет весьма деликатным.

Но то было вечером. Потом события с места пустились в карьер. Уже у самых ворот резиденции Охотников их догнал лопухий послушник и выпалил, обращаясь к наставнику:

— Площадь Единения. Немедленно. Требуется поддержка.

И они сорвались с места. Ни вопросов, ни уточнений. Впрочем, необходимости в них не было. Дарт знал, что в северной части города Охотники планировали нечто вроде западни. Ее готовили несколько дней, специально выжидали, когда в Тан-Ларон пожалуют чужаки. И желательно не одиночки. В идеале — так и вовсе с другого острова. Таможенное представительство не без сомнений, но все же пошло на сотрудничество, дав обещание задержать подходящую группу и тут же сообщить о ней в резиденцию Охотников. По всей видимости, так и сделали. Но что-то пошло не по плану. Чего-то загонщики не учили.

А потому приходилось торопиться, готовясь к встрече с Проклятыми прямо на ходу.

Рваные порывы ветра бросали в лицо морозящую влагу, но холода Дарт не ощущал. Ему даже нравилось происхо-

дящее. Все лучше, чем лезть в канализацию или в подвалы Старого города.

О приближении к месту охоты стало известно за пару кварталов. Еще не было слышно криков, не видно вспышек, а по коже уже побежали привычные мурашки, в голове зашумело, а в кончиках пальцев появилось покалывание: Проклятых много, и они совсем близко, не таятся, но пока не напали — пугают, питаюсь ужасом добычи. Сейчас твари наиболее уязвимы.

— Держись следом, — не оборачиваясь, отрывисто бросил Патрик.

Наставник всегда произносил эту фразу, когда считал, что до схватки остаются считанные мгновения. Ответа он не ожидал.

В шуме дождя проступил звук далекого плача. Тоскливого, безысходного. Плача о невозможной утрате даже не человека — всего мира. Дарт уже не раз слышал, как стенают Плакальщицы, и потому не поддался их силе. В первый раз, услышав этот отчаянный вопль, он попросту отключился, а когда Патрик привел его в чувство с помощью ведра ледяной воды и пары зуботычин, парнишка обнаружил себя лежащим в какой-то грязной канаве в позе эмбриона. Приступы тоски и отчаяния еще некоторое время преследовали его, хотелось то ли напиться, то ли разбить себе голову, то ли просто лечь и тихо сдохнуть.

Они миновали собор Святого Николаса и вылетели на площадь Единения. В самом ее центре стояли три повозки, возле которых сгрудились люди. Человек десять. Кто-то лежал навзничь, обхватив голову руками; кто-то полз в никуда, цепляясь за скользкий булыжник; одна женщина сорвала с себя

плащ, разодрала на груди платье и теперь стояла на коленях, простирая руки к небесам. Ее губы шевелились то ли в молитве, то ли в проклятиях.

— Вы вовремя... — Рядом материализовалась фигура Ская, опытного Охотника, чей лысый череп чуть ли не крестнакрест пересекала пара кривых шрамов. — Я и Марк заходим слева, Крис и Берта — с тыла. Вы начинайте справа.

— Понял, — кивнул Патрик.

Давление на виски усилилось, во рту появился привкус железа.

Времени до атаки Плакальщиц почти не осталось.

Наставник резким движением распахнул плащ; в правую руку, будто сама собой, прыгнула рапира, в левую — зачехленный пистолет. Дарт последовал его примеру, но лишь затем, чтобы быть готовым ассистировать. Вместо рапиры он достал кинжал длиной в предплечье.

Первую Плакальщицу они встретили возле летней купели. Та стояла на каменных ступенях и тянула руки в сторону грузового обоза. Ветер трепал рваный балахон, служивший ей одеждой.

Температура резко упала. Дыхание превратилось в клубы белого пара, а в лицо повеяло стужей. Дарт бросил взгляд на мостовую — по камням, в стороны от Плакальщицы, потянулись ледяные разводы.

Патрик сорвал с пистолета чехол, нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел. Раскаленный металл сбил Плакальщицу с ног, отбросил ее к одной из резных колонн, поддерживающих крышу над купелью. Тело, завернутое в дырявое тряпье, ненадолго замерло, став похожим на кучу мусора, а затем сильно вздрогнуло, зашевелилось. Но Патрик не позволил

Проклятой подняться. В несколько шагов преодолев разделяющее их расстояние, он с силой пнул Плакальщицу, и та взвыла, опрокинулась навзничь. С ее головы слетел капюшон, явив взорам Охотников череп, обтянутый сморщенной желтоватой кожей. На месте глаз Проклятой зияли пустые провалы, огромный рот кривился в хищном оскале, растягиваясь на половину лица.

Патрик атаковал рапирой. Ее лезвие сверкнуло в тусклом свете масляных фонарей, глубоко вошло в шею Плакальщицы. Та обхватила сталь голыми руками, зашипела, из разъявленного рта брызнуло нечто черное, пузырящееся. Дарт знал, что это не кровь — в адских созданиях нет крови. Все они давно умерли, но отчего-то до сих пор бродят по Островам. Жестокие, прожорливые, смертельно опасные.

Наставник провернул оружие, а потом резко дернул. Проклятая закашлялась, дрожащей рукой потянулась к обидчику. Вторая рука сучила по мостовой — длинные птичьи когти на ее пальцах еле слышно скрежетали.

Патрик брезгливо отступил, вполоборота кивнул Дарту. Тот выудил из кармана плаща «Слезы Господни» — небольшую склянку с пульсирующей внутри алой искрой, привычным движением снял защитную печать, а затем, слегка замахнувшись, метнул склянку в Плакальщицу. Та попыталась отпрянуть, но слишком ослабела.

Разбилось стекло, выпуская на свободу огненное буйство.

Охотники продолжили путь, а за их спинами горело мертвое создание. Давление в висках Дарта немного ослабло, но не исчезло. Наверняка утром в окрестных домах найдется не один труп — многие попытаются наложить на себя руки. И кому-то это удастся.

Они успели уничтожить еще двух Плакальщиц, когда ночной город, будто бритвой, рассек женский визг. Источник звука явно находился на площади. Патрик досадливо сплюнул себе под ноги: всего в нескольких шагах от охотников колыхались сразу три размытые тени. Вместе они создавали вокруг себя глухую тяжелую стену отчаяния. Их завывания давили на плечи не хуже каменных глыб, призывали оставить этот неблагоприятный мир и скорее отправиться в мир иной, куда более теплый и справедливый. Даже тренированные Охотники не рисковали подойти к троице Плакальщиц вплотную. А те, уже заметив новую добычу, обратили все свое давление на нее.

Женский визг поднялся до самых небес, потом резко оборвался.

— Помоги им! — нехотя бросил наставник. — Если сможешь. Не смей подставляться.

Дарт сдержался, чтобы откровенно не разулыбаться. Со всем другое дело — полная свобода действий. Наконец-то. Обычно во время охоты, к сожалению большинства учеников, им не позволялось напрямую вступать в противоборство с Проклятыми. Можно и нужно было ассистировать, прикрывать спину, служить глазами и ушами, а если потребуются, то и крепким плечом или быстрыми ногами, но никакого проявления инициативы. За нарушение этого правила полагалось строгое наказание, вплоть до изгнания из Ордена Охотников. В прошлом слишком многие горячие головы, еще не прошедшие должного обучения, но уже чувствующие собственную силу, платили за излишнюю самоуверенность жизнью. Проклятые редко оставляют раненых.

— Я понял, — кивнул он.

Вокруг площади звучали выстрелы, меж домов виднелись отблески пламени — Охотники исправно выполняли свою работу, но почему их так мало? Засада удалась на славу, вот только ловчих явно не хватает.

Дарт пулей вылетел на площадь Единения и остолбенел. Вместо ожидаемой им Плакальщицы (пусть даже не одной) возле повозок возвышалась фигура Молотильщика — огромной мускулистой твари двух с лишним метров роста в обрывках заводской униформы, обвязанной ржавыми цепями и покрытой темной коростой застывшей грязи. В одной руке Молотильщик держал стальной молот, поднять который обычному человеку вряд ли под силу, в другой — за ноги безжизненно болтающееся тело женщины. Уже без головы.

Такого разворота событий Дарт никак не ожидал. Обычно, чтобы справиться с Молотильщиком, объединялись две-три пары Охотников. Этот Проклятый обладал завидной живучестью и устойчивостью к физическим повреждениям, к тому же отличался невероятной способностью к регенерации, если имел доступ к свежей плоти. Сейчас же, на площади, в мясе недостатка не было.

Молотильщик запрокинул голову, поднес к раззявленной пасти обезглавленную добычу. Момент — и руки с плечами несчастной исчезли, перемальвываемые крепкими зубами. Дарт скорее на уровне ощущений осознал, как дробятся кости и рвутся сухожилия пожираемого человека, чем услышал звуки чудовищного пиршества на самом деле. Продолжая жевать, Молотильщик поднял молот и уже было прицелился ударить по пытающемуся отползти с его пути человеку, когда раздался выстрел.

Дарт действовал по наитию. Отбросив дымящийся пистолет, он спрятал кинжал, а вместо него вооружился парой склянок со «Слезами Господними». Убить Проклятого ему не под силу, а вот отвлечь — вполне.

Молотильщик медленно повернул голову, его маленькие глаза уставились на человека. Голова Проклятого представляла собой несуразное нагромождение наростов и язв. Казалось, будто неумелый скульптор пытался создать череп, хотя бы отдаленно напоминающий человеческий, но либо в глаза не видел оригинала, либо страдал полным отсутствием таланта.

Молотильщик недовольно заворчал. Занесенный для удара молот не шелохнулся.

Дарт ощерился. Все идет по плану: внимание Проклятого привлечено, дело за собственными ловкостью и скоростью. Теперь надо увести громилу подальше от повозок. Только бы остальные Охотники поскорее покончили со своими делами.

— Эй! — прокричал Дарт.

Крик потонул во внезапно налетевшем порыве ветра. Впрочем, Молотильщик все равно следил только за надоедливым человеком. Громила шагнул прочь от обоза и метнул молот. Без замаха, не издав ни звука. Метнул столь быстро, что Дарт еле успел отскочить в сторону, практически упасть. В каком-нибудь метре от него сталь врезалась в мостовую. Раздался не то грохот, не то скрежет. Веером брызнули каменные осколки, полоснули по груди и лицу. В глазах ненадолго потемнело, но боль запаздывала. Одна склянка вылетела из руки Дарта, разбилась тут же. Сними он защитную печать заранее — сейчас пылал бы живым факелом. А так